

Эллин Ти

ТЫ ПАХНЕШЬ КАК МОРЕ

Любовь
может унять
любое горе



Young Adult. Любовь растопит
даже лед. Романтика от Эллин Ти

Эллин Ти

Ты пахнешь как море

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ти Э.

Ты пахнешь как море / Э. Ти — «Эксмо», 2026 — (Young Adult. Любовь растопит даже лед. Романтика от Эллин Ти)

ISBN 978-5-04-246786-8

Заключительная часть цикла «Ароматы любви» от Эллин Ти! Марго — море. Мое море. И... да. Кажется, я все-таки поплыл. Маргарита Луговая больше не может так жить. Она лучший специалист по мотоциклам в дорогом автосервисе, отличный литературный редактор в маленьком издательстве и даже репетитор по испанскому по выходным. Но все деньги, время и чувства уходят на поддержание больной матери. Марго не ощущает ничего кроме глухой боли в груди. Там, где должно быть сердце. Рафаэль Мартинес — известный диджей в Испании. Когда Раф приезжает к своим друзьям-бизнесменам, он видит ее и теряет дар речи. Но все попытки соблазнить неприступную Марго оборачиваются крахом. Может быть потому что впервые в жизни Раф хочет что-то большее, чем одна ночь? Но это задача со звездочкой, которую он должен решить, пока Марго полностью не закрылась от всего мира. Он вновь поверил в любовь; от незнакомцев к друзьям к возлюбленным; шутки и юмор; герой и героиня — оба грин флаги; стекло; исцеляющая любовь; Испания; горячие постельные сцены. Шикарный слог автора, яркие персонажи, безупречное художественное оформление влюбят в себя каждого. «Ты пахнешь как море» — трогательная история о том, что настоящая любовь поддержит в самый плохой период в жизни. Эллин Ти — известный автор сентиментальной прозы, автор циклов-бестселлеров «Любовь растопит даже лед» и «Ароматы любви»! Ее суммарный тираж перевалил за отметку 130 000 проданных копий и продолжает расти. «Любовь согревает, спасает, исполняет мечты и всегда приходит вовремя. История Рафа и Марго — солёная, как слезы и море. И в тоже время такая светлая, искренняя и жаркая, словно солнце Испании. Она о том, что искренние чувства приходят внезапно и неожиданно, как им не противься. Но это всегда оказывается так нужно и необходимо обоим. И какое бы расстояние между двумя сердцами ни было — они все равно найдут путь друг к другу.» - Александра Быкова, литературный

редактор. «Она думала, что идет ко дну, задыхаясь от собственной боли, а он доказал, что она и есть бескрайнее море. Эта история накрывает с головой, как девятый вал, и оставляет на губах привкус соли — от пролитых слез и абсолютно исцеляющей любви. Самый красивый и теплый шторм, в котором вам захочется утонуть без остатка.» - Диляра, bookworms_haven. Читать в серии: «Непара», «Нетвой», «Нелюбовь», «Несудьба», «Невместе», «Несчастье», «Нерядом», «Ты пахнешь как любовь», «Ты пахнешь как мечта», «Ты пахнешь как солнце», «Ты пахнешь как спасение». Для поклонников историй Эль Кеннеди, Авы Хоуп, Селины Аллен и Сола Рэйн. Обложка от известного молодежного художника LINK, красивые черно-белые иллюстрации. Содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-246786-8

© Ти Э., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Часть первая. Запах боли	7
Глава 1. Маргарита	8
Глава 2. Маргарита	11
Глава 3. Маргарита	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эллин Ти

Ты пахнешь как море

Художественное оформление А. Андреева

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© AlekseyVanin, stockvit, AlisaRed, Olena Go, kaliyyo, anna_ku, rahimsarkars, judyjump / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Иллюстрация на обложке *LINK*

© Ти Э., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящаю эту книгу каждому, кто верит, что всем мечтам суждено сбыться. Даже несмотря на то, что путь к этой мечте может быть с множеством преград.

Уважаемые читатели!

Так как герои в этой книге говорят на разных языках, для вашего удобства и для того, чтобы книга не состояла сплошь из сносок, я приняла решение разделить языки в книге таким образом: курсивом в диалогах отмечен тот язык, который НЕ является герою родным. То есть в главах от лица Маргариты курсивом будет испанский. А в главах от лица Рафа – русский.

Приятного чтения!

Часть первая. Запах боли



Глава 1. Маргарита

Летяга – Вдыхать волны

Сегодня я снова вся пропахла соляжкой, и это почти не вызывает никакого отвращения. Первые пару месяцев работы в автосервисе было сложно, я довольна... необычно отношусь к запахам. Например, я могу около полутора часов мыть миску от креветок, потому что вынюхиваю в ней даже самые тонкие нотки отвратительного аромата до последнего. Или легко могу начать задыхаться от чьих-то резких духов, а потом буду чувствовать этот запах еще неделю, потому что он словно вьется в мою кожу.

В целом в автосервисе много чем пахнет: резиной, маслом, бензином, порой гарью, часто мылом из соседнего бокса, где моют машины, еще чаще потными мастерами, которые, очевидно, не в курсе существования дезодорантов, а иногда и теми самыми духами, которыми пользуются владельцы каких-нибудь крайне женственных и красивых машин. У меня, к счастью, отдельный гараж. (Спасибо моему начальнику Мирославу за отличный подход к работе и за то, что ценит своих сотрудников. Несмотря на то что из-за своих длинных ног он просто до смерти похож на циркуль, как человек он вполне себе приятный.) Свое помещение у меня еще и потому, что мотоциклами в нашем автосервисе занимаюсь практически я одна. Иногда мне требуется помощь кого-то из мастеров, но это никогда не занимает больше полчаса и в целом никто из мужчин никогда мне не отказывает.

Сегодня ко мне приехал байк на дизельном топливе, это редко встречается, поэтому с соляжкой я не так часто работаю, как с остальными ароматами. И именно поэтому этот запах ощущается сильнее, чем любой другой, и я иду домой медленно, чтобы он успел хоть немного выветриться.

Мама дома не скажет ни слова, но точно будет уставать от этого запаха, а это меньшее, что мне сейчас нужно. Я стараюсь ее беречь и не расстраивать по возможности, а на запах некачественного дизельного топлива (а оно, очевидно, такое, я разбираюсь) не реагировать просто нельзя.

Поэтому и гуляю подольше, дышу свежим воздухом и наслаждаюсь теплотой летнего вечера. Солнце красивое, закатное, но лучи еще яркие, весь город словно покрыт оранжевой дымкой. В наушниках любимая музыка, а перед глазами красивый парк, где гуляет куча прикольных парочек. Я обожаю рассматривать людей, это, если честно, одно из моих хобби. Помимо коллекционирования просмотренных фильмов и сериалов и открыток, которые служат воспоминаниями о каких-то ярких днях.

В такие моменты, во время прогулок после работы и попыток избавиться от едкого запаха автосервиса, приходит ложное видение жизни. Кажется, что все хорошо... Трава зеленая, фонтан рабочий, ребенок, едущий мимо на самокате, весело хохочет, а вот мужчина, похожий на потрепанное кресло, почему-то грустит.

Если не копаться внутри собственных мыслей, то у меня и правда все хорошо. И даже постоянные осуждающие взгляды проходящих мимо бабулек, которым катастрофически не нравятся мои синие волосы, меня не расстраивают.

Меня расстраивает другое... Что я просто *не могу себе позволить* не копаться в собственных мыслях. Жизнь просто не дает мне такого шанса, и с недавних пор я перестала этот шанс даже просить.

Я работаю в автосервисе шесть дней в неделю с раннего утра и до позднего вечера. Утро субботы (единственный выходной от работы у Мирослава) я посвящаю репетиторству по испанскому языку. У меня есть несколько учеников, и это является моим дополнительным

заработком. Я учила этот язык в универе, пока еще могла себе позволить обучаться очно, и как-то так вышло, что он очень быстро стал для меня любимым из иностранных, а еще он очень легко мне давался, поэтому сейчас я без проблем помогаю детям.

А вечер субботы я позволяю себе провести с подружкой, но с каждой неделей могу делать это все реже и реже.

Мама плохо... У нее онкология, и ситуация такова, что вылечить ее невозможно. Мы проводим всю поддерживающую терапию, чтобы мама могла продержаться столько, сколько у нее выйдет, но это все, что в наших силах...

Сейчас мне двадцать пять, и мы уже пять лет боремся с этим. Мы всегда жили вдвоем, у нас никого не было, кроме друг друга, мама всегда старалась и тянула меня изо всех сил, а в двадцать лет пришла моя очередь. Я перевелась на заочку и начала браться за любую работу, только бы накопить денег на лечение мамы. Я мела дворы, продавала овощи в магазине, порой даже раздавала листовки. Мне некогда было строить карьеру и ждать больших зарплат, я бралась за все, только бы заработать здесь и сейчас. А потом попала в автосервис. Сначала уборщицей, потом случайно стала помощником, меня обучили, и вот, спустя пять лет, я классный мастер крутого автосервиса с действительно хорошей зарплатой. Мне катастрофически нравится работать именно с байками, а еще тут хорошо платят, так что время, когда я хваталась за все подряд, прошло. Осталась основная работа и подработка в виде репетиторства. На лечение мамы хватает в целом, я очень аккуратно трачу деньги, понимаю свою ответственность.

Жаль только, что все это в итоге приведет к...

Нет. Я не хочу и не буду об этом думать сейчас. Мама дома, и она меня ждет. С ней сидит наша соседка, я плачу ей небольшие суммы за помощь, потому что одну маму оставлять уже нельзя: она почти не встает и ей нужны уколы от постоянной боли.

Все происходящее рвет мою душу на части, но я все равно нахожу внутри себя улыбку, когда мимо проходит парень, который один в один похож на Мистера Картошку из мультсериала. Тут же отгоняю глупые мысли прочь, снова вслушиваюсь в музыку и направляюсь к дому: кажется, я воняю чуть меньше, чем полчаса назад, и это еще один повод для радости.

Захожу в магазин, с отвращением смотрю в сторону креветок и покупаю себе пару сэндвичей на ужин. Кто-то скажет, что мне с моей комплекцией стоило бы есть что-то более легкое, но я точно так не считаю. Что-то, а комплексы по поводу фигуры я поборолла еще в универе и перестала стесняться своих пышных бедер. Поэтому – сэндвичи. Вот они никогда не подводят! После них не приходится перемывать миски по семнадцать раз на глазах у хохочущей надо мной подружки. А она просто не понимает!

Поднимаюсь к себе. Прямо перед дверью натягиваю на лицо улыбку. Я делаю все, чтобы не расстраивать маму, потому что ей нельзя нервничать, а она и так постоянно занимается этим из-за своего состояния. Я должна быть хорошей дочерью, и я буду ею, сколько бы травм впоследствии мне это ни стоило.

Я слышу разговоры со стороны спальни, и меня это несказанно радует. Захожу в комнату и вижу маму в положении полусидя на подушках. Она сегодня выглядит бодрее, чем вчера, как мне кажется... Это рождает внутри надежду, хотя я прекрасно знаю, что надеяться нельзя. Но иначе не выходит, смириться с неизбежным сложно!

– Привет, красавица моя, – улыбается мама, говорит мне совсем слабым голосом. – Ты поздно сегодня.

– Задержалась на работе, ты же знаешь, издательство – дело сложное...

Мама не знает, кем я работаю. Когда я впервые попала в автосервис, она сокрушалась, мол, это не женская работа и что она не может простить себе, что ее дочь ради нее работает с толпой сильных мужчин и тратит много сил. Поэтому ей и не обязательно знать правду. Она будет расстраиваться. В универе я отучилась на издательском деле, поэтому для мамы я работаю редактором. Хотя иногда я на самом деле беру небольшие тексты на редактуру, чтобы

заработать лишнюю копейку. В основном это детские книги, потому что на них уходит не так много времени, а оно есть у меня только ночами. Но... для мамы – это моя основная работа. А в реальной жизни я с утра до ночи копаюсь в байках и, если честно, совершенно не жалею об этом.

– Я так горжусь тобой, дочь, – говорит мама со слезами на глазах. – Прости, что не смогла найти силы, чтобы дать тебе нормальную жизнь, обеспечить...

– Ма, пожалуйста! – Присаживаюсь рядом и обнимаю, сама роняю пару слезинок, но быстро стираю их. Ей нельзя нервничать, но она сама постоянно рвет себе душу и я совершенно не могу контролировать это. – Все хорошо. У меня было лучшее детство, потому что в нем была ты, ладно? Ты старалась для меня, теперь я стараюсь для тебя.

– У тебя из-за меня даже отношений нет...

– Ну прям из-за тебя, – закатываю глаза, встаю. Замечаю, что, пока мы обнимались, соседка тихо ушла к себе. Нужно будет зайти позже и поблагодарить ее. – У меня нет отношений, потому что вокруг нет нормальных парней, вот и все.

– Ну тебе что, совсем никто не нравится? – Она задает этот вопрос мне с тринадцати лет.

– Нравится, конечно, – улыбаюсь. – Крис Эванс. Но он вряд ли может стать моим мужем, как бы грустно это ни было осознавать.

– Ну я же серьезно спрашиваю. – Она устало улыбается и вздыхает. Ей тяжело долго быть в напряжении, а поза полусидя одна из самых сложных для нее.

– А кто сказал, что я шучу? Да если бы он приехал и позвал меня замуж, я бы ему тройню родила. Сразу же! Давай приляжем, ма? – переключаю тему. Я люблю хихикать с мамой, но еще больше я люблю, когда она комфортно себя чувствует.

– Да, пожалуй. Приляжем и будем думать, где искать тебе твоего этого Эванса... Ну или кого-то похожего.

Не буду ей говорить, что он такой единственный в мире, а то она точно подумает, что ее дочь помешана.

– Не нужен мне никто, мам.

– Риточка, – вздыхает она и смотрит мне прямо в глаза. Нет. О нет... Я знаю этот взгляд, это обращение. Я знаю все, что она сейчас скажет. – Ну я же о тебе волнуюсь. Я скоро... мне недолго осталось, я не хочу, чтобы ты осталась совсем одна. У любимого человека на плече и горевать легче, и...

– Ма, пойду чай заварю, да? – быстро меняю тему, потому что поток слез и ком в горле уже мешают мне говорить. – Ты будешь чай? Я сейчас сделаю!

И вылетаю из комнаты, чтобы закрыться на кухне и пару минут отчаянно прореветься, чтобы и дальше быть сильной и способной на все Маргаритой.

Глава 2. Маргарита

Rozalia – что в голове?

Каждое утро начинается с самого страшного: войти в комнату мамы и проверить ее состояние сегодня. Последние пару месяцев это делать гораздо сложнее, чем раньше. Попытка открыть дверь сопровождается почти панической атакой, потому что зловещая тишина за ней не дает мне надежды на лучшее. Я опускаю ручку с таким трудом, словно она весит пару тонн, толкаю с замиранием сердца, а потом еще пару секунд не могу открыть глаза, чтобы взглянуть в сторону кровати.

Сегодняшнее утро ничем не отличается от всех прошлых: мама спит, еле слышно сопя во сне, и это дарит мне надежду на то, что не сегодняшний день станет одним из худших во всей моей жизни.

Утро – это всегда сложно. Проснуться, переступить через страхи, каким-то чудом поесть хоть немного, хотя на стрессе и кусок в горло не лезет. Любимый кофе возвращает к жизни, хотя, возможно, я его слишком романтизирую, не знаю... По крайней мере, я ведь должна романтизировать хоть что-то, правда?

В холодильнике явно что-то уже просится в мусор, и я трачу еще двадцать минут на то, чтобы разобрать полки и вытащить из него все лишнее, что уже никогда не сможет быть пригодным для пищи. От всего этого исходит такой отвратительный запах, что мне впору уже покупать зажим для носа, чтобы без проблем справляться вот с такими ситуациями, честное слово.

Потом еще полчаса я занимаюсь мамой. Ставлю укол, помогаю съесть хоть немного пищи, а еще провожу с ней все важные для гигиены процедуры, так как сама она уже практически не встает. Очень редко, и то с моей помощью. В такие дни я набираю ей ванну, и она лежит там пару часов, расслабляясь. Это одна из немногих радостей, которые у нее есть, поэтому я даже не обращаю внимания на то, как тяжело нам удастся эту радость организовать, просто делаю, и все.

Тетя Тома, соседка, приходит как всегда вовремя. Она проводит с мамой еще около часа утром, потом приходит в обед и ближе к моему приходу, а еще она всегда в шаговой доступности и у нее есть видеоняня на случай, если маме что-то понадобится. Я каждое утро благодарю ее за помощь, потому что на самом деле не знаю, что делала бы без нее, и потом улетаю на работу.

Летнее утро я люблю так же сильно, как и вечер. И пусть утром нет такого потрясающего заката, тут все еще есть куча людей, за которыми можно наблюдать и верить в то, что хотя бы у кого-то из них в жизни все идет хорошо. Ну или хотя бы просто чуть лучше, чем у меня.

Парень, крайне похожий на початок кукурузы из-за своего высокого роста и длинных светлых волос, задевает меня плечом, когда проходит мимо, но потом он так долго рассыпается в извинениях, что я уже устаю говорить ему «ничего страшного» и просто молча ухожу, наверняка показавшись ему невежливой. Надеюсь, он простит меня, но у меня правда нет никакого времени для общения с незнакомцами. Сегодня пятница, значит, с утра в сервисе будет Мирослав, а опаздывать при начальнике мне хочется меньше всего. Знаю, что не получу никакого выговора, но садиться ему на шею благодаря этому знанию тоже не лучший вариант, поэтому я поправляю рюкзак на плече и спешу к сервису, ускоряя шаг примерно в полтора раза.

Аромат солярки за ночь почти выветрился, что точно не может не радовать, поэтому открывать свой собственный рабочий гараж мне крайне приятно. Сегодня тут почти нет раз-

дражающих запахов, но это точно ненадолго, так как во время работы не пахнуть не может. Еще одно подтверждение того, что мне нужен зажим для носа.

Ухожу в раздевалку, достаю свою форму, но вдруг меня отвлекает уведомление, пришедшее на мобильный. В силу обстоятельств я никогда не игнорирую пришедшие сообщения, потому что там может быть буквально что угодно. Достаю телефон и на пару секунд зависаю, не поняв, кто мне пишет, и только потом доходит: редактор! Я уже давно не брала никаких текстов на редактуру, но тут поступает именно такое предложение. Детская сказка под названием «Маленькая принцесса» от автора Екатерины Амировой. Что-то знакомое... Кажется, что я где-то слышала это сочетание имени и фамилии, но вряд ли вспомню, поэтому просто отмахиваюсь.

Предложение принимаю, потому что сроки комфортные, а дополнительные деньги лишними никогда не будут. Мне радостно, что редактор не забывает обо мне и иногда предлагает подработать, поэтому я забираю файл с текстом и наконец-то позволяю себе переодеться и приступить к работе.

На сегодня у меня только вчерашний байк на дизельном топливе, тут осталось-то заменить фильтры, масло и свечи, и можно будет передавать на ресепшен, чтобы звонили клиенту, ведь все уже почти готово.

Пару часов я вожусь со всем вышеперечисленным, делая все что нужно, и еще по несколько раз проверяя то, что было сделано вчера. Я работаю на совесть, поэтому всегда делаю тщательные проверки.

– Лесь, байк готов, – отзваниваюсь администратору.

– Отлично, сообщу клиенту. Тут, кстати, минуту назад еще кто-то к тебе приехал, Мир лично встретил, так что готовься, сейчас зайдут.

Киваю, словно Лесья может видеть меня через телефон. Вип-клиенты меня не пугают, тем более что Мир хороший начальник и вряд ли будет выдвигать какие-то сверхтребования.

Я пока мою руки, стараясь избавиться от следов ремонта, а потом слышу громкий женский хохот и приглушенный мужской смех, а через пару секунд в мой гараж входят Мирослав Сергеевич и... и Мира. Его подруга. Я со многими друзьями начальника знакома, потому что так или иначе они периодически ошиваются в сервисе и заходят сюда поболтать. Зачем-то.

– Марго, здравствуй, – здороваюсь мой непосредственный начальник.

– Доброе утро, Мирослав Сергеевич.

– Рита, привет! Как дела? Какие волосы у тебя красивые, вау! – Она чуть ли не кидается меня обнимать, но вовремя замечает мой рабочий и грязный комбинезон, поэтому все-таки оставляет меня без обнимашек, но целует в щеку.

– Спасибо, – улыбаюсь. Я не так давно выкрасила концы волос в синий. В очередной раз смотрела на фотографии моря и не смогла удержаться, сразу же купила краску и добавила себе немного мечты еще и во внешность.

Помимо души.

– Мне очень нужна твоя помощь, – признается она и мило улыбается, а Мир сзади только закатывает глаза. Мирослава из них всех (по крайней мере из тех, кого я видела) самая активная и эмоциональная, на нее каждый реагирует так, но в этих жестах, к слову, нет ни капли злости.

– Что случилось?

– Мира пробила колесо, – говорит Ольховский, – на байке. На чужом байке.

– Байк мужа моей подруги автоматически не чужой! – говорит она, тоже закатывая глаза. Я тихонько посмеиваюсь. – Но да, починить надо быстро, потому что Матео мне голову оторвет, я обещала ему не трогать байк... А Мир сказал, что лучше тебя в городе никто не умеет с мотоциклами обращаться. А я ему верю!

– Спасибо, – киваю начальнику и улыбаюсь. – Давай, починим. Колесо – это шустро, полчаса и готово.

– Ты лучшая! Мир, кати байк сюда, – распоряжается она, и я снова хихикаю: он даже не возмущается от того, что его знакомая командует им в присутствии подчиненных (меня), а просто молча уходит исполнять ее просьбу.

– Давно прилетели? – спрашиваю у нее. Она мне нравится, с ней легко и свободно. Знаю, что она со своим мужем Матео живет в Испании, но тут они бывают довольно часто. Живут на две страны... Испания, конечно, моя мечта. Я хорошо знаю язык, но никогда не была в стране и вряд ли побываю, я... Адекватно оцениваю свои силы, чего уж там. Да и не время сейчас, мама ведь...

– Пару дней назад, – улыбается она, – мы прилетели всей Испанией, кажется, на крестины малышки Кати и Давида. Софийке уже три месяца! Родители закатили огромный праздник, мы не могли пройти мимо.

– Слушай... А как фамилия у Кати? – до меня внезапно что-то начинает доходить. Я не близко знакома с Катей и Давидом, но несколько раз мы виделись. Я что-то слышала о ней от Миры или ее подруг, но все это как-то вскользь, никаких громких обсуждений. – Она не пишет сказки, случайно?

– О да! Она раньше писала, потом забросила, а как родила малышку, снова вернулась в это дело. Говорит, пришло вдохновение. Откуда ты знаешь? Вроде это не публичное дело у нее.

– Я иногда беру тексты из издательства на редактуру, вот утром пришла сказка от Екатерины Амировой, мне показалось имя знакомым, но я не знала, что Катя пишет.

– Да-да, это наша Катя. Я передам ей, что ее книга в надежных руках. – Она мне подмигивает. Честное слово, в какой-то момент кажется, что жизнь становится лучше, потому что Мира, точно солнышко ясное, освещает все вокруг одной своей улыбкой. Очень милая девушка. Повезло ее подругам с ней.

Мы отвлекаемся на Мирослава, который привозит байк, и уже через три минуты я принимаюсь за работу. Они просили быстрее, так что я стараюсь не терять ни минуты, пока Мира сидит рядом и рассказывает мне все подряд, начиная от работы с лучшим другом моего начальника и заканчивая тем, какие красивые в Испании закаты...

От ее рассказов накатывает какой-то необъяснимой тоской.

Я не завидую, ну, может, немного и исключительно по-доброму. Я не жалею на свою жизнь, я просто жалею, что не смогла прожить ее иначе. Мне жаль, что мама болеет, мне жаль, что все планы рухнули уже давно и мир перевернулся. Честности ради, я так устала... Но не подаю виду. Никогда никому не признаюсь. Никогда не опущу руки и буду бороться до последнего, чего бы мне это ни стоило.

Я слушаю с грустной, но все-таки искренней улыбкой, когда вдруг в мой гараж врывается Вика.

Вика – моя лучшая подруга, мы дружим уже семь лет, с самого первого курса университета. Только она учебу окончила на очном, а я после второго курса ушла на заочку, но это не повлияло на нашу дружбу. Вика... сложная, но нам хорошо вместе. Раньше мы гуляли каждые выходные, а то и чаще. Она любит тусовки и каждый раз пытается меня куда-то вытащить, но в последнее время я все чаще сопротивляюсь этому по понятным причинам.

Она работает в издательстве по образованию, пока я тут чиню чужие байки. Просто она могла себе позволить шесть месяцев бесплатной стажировки, а я – нет. Я считала каждую копейку и просто не могла позволить себе остаться без денег на целых полгода.

– Я уже забыла, как ты выглядишь! – говорит она вместо приветствия, проходя внутрь моего гаража. Что вообще за проходной двор, а?

– И тебе привет, – улыбаюсь ей, не отрываясь от работы. Мира вдруг затихает и наблюдает за нами. Понимаю. Женское любопытство. Не осуждаю.

– Ты еще сама не превратилась в робота, пока ковыряешься тут в своих железках, а? – вздыхает она. – Давай, отпросись пораньше сегодня, пойдем в клуб! Я достала нам два приглажительных, там какой-то модный диджей выступать будет!

– Самый крутой диджей будет выступать через неделю, – вдруг выдает Мира. – Мой друг из Испании, Раф. Вот к нему и правда надо сходить.

Вика одаривает ее недовольным взглядом. Мира в ответ бросает такой же. Как мило, а можно я просто поработаю? А то мне уже некомфортно в этом гараже женской неприязни друг к другу.

– Я никуда не пойду, – прерываю их не самый дружелюбный (судя по взглядам) диалог. – И ты, Вика, это знаешь. Я не могу позволить себе...

– Ой да брось! – возмущается она тут же и машет рукой. – Не можешь позволить, что, расслабиться один вечер? Seriously, Рит, ты создаешь проблему на пустом месте! Надо позволять себе отдыхать.

– Я отдыхаю. Дома.

– В твоём возрасте дома сидеть противопоказано, – снова ворчит она. Еще и глаза закатывает.

– Вика. Нет.

– А будет вообще когда-нибудь «да»? – психует она. Меня порядком раздражает этот диалог. Я кошусь на Миру: она не знает моей ситуации, но ей явно не очень нравится все, что тут происходит, потому что на Вику она смотрит с долей осуждения. – Мы с тобой раньше часто выбирались куда-то, а теперь у тебя дом-работа, как у старушки! Ты вообще про меня забыла, и... И чем дальше, тем хуже!

– Да, Вика, чем дальше, тем хуже! – взрываюсь я. Даже бросаю тряпку из рук на пол от злости. – Потому что с каждым днем и правда хуже, потому что моя мама умирает, и ты знаешь это! И это не пустое место для меня, ясно?! Я просто не могу позволить себе пойти в клуб и танцевать там, пока мой самый близкий человек корчится от боли дома, понятно тебе?

Все.

Это, кажется, была самая сильная и громкая эмоция за последние несколько лет. Я держала все в себе, я никому не позволяла увидеть слабую и сломленную Маргариту, я ни единого раза не дала понять, что мне плохо и больно, продолжала улыбаться и работать, но... Вика. Лучшая подруга. Та, кто, казалось бы, как никто должен поддерживать и понимать, просто встала с другой стороны от моего горя.

Я не прошу ее сидеть со мной вечерами и плакать у комнаты моей мамы, я не жалуюсь ей, не прошу помощи, но неужели просто нельзя *понять*? Хотя бы попытаться. Мы так долго дружим...

Слезы стекают по щекам, и я стираю их тыльной стороной ладони, но все равно я почти уверена, что теперь там останутся грязные следы. Вика глядит на меня с недовольством, словно я, по ее мнению, сказала какую-то чушь. А на Миру я не смотрю. Просто потому, что мне крайне стыдно перед чужим человеком за эту сцену. Я должна была сдержаться, но мне просто не оставили выбора.

– Я знаю, – вздыхает Вика и нарушает молчание, – не надо делать из меня совсем уж суку. Я просто не хочу, чтобы ты умирала вместе с ней, неужели не ясно?

– Уходи, Вик, – качаю головой. Она не услышит меня, а я не услышу ее, в этом диалоге сейчас нет никакого смысла. Мне приятно, что она не хочет, чтобы я умирала. Но мне странно, что она не понимает: умерла я еще в тот день, когда врач сказал, что мою маму вылечить невозможно.

Мама самый близкий для меня человек, и я просто не могу иначе. Не могу отвлекаться, не могу пытаться делать что-то для себя. Я понятия не имею, хорошо это или плохо, не знаю,

как нужно, как правильно, как справляются другие. Просто у меня вот так. Иначе я не умею и вряд ли смогу.

– Ты серьезно? – фыркает она и складывает руки на груди. Выплеснуть вторую волну эмоций очень хочется, но больше я слабины не дам. И так с перебором вышло, достаточно. Мира все еще тут сидит, да и Вике ни к чему видеть все это. Поэтому я только вздыхаю, поднимаю тряпку и возвращаюсь к работе.

– Да. Я серьезно. Мы не поговорим нормально. И в клуб я тоже не пойду. Позови кого-нибудь, кто умеет расслабляться, ладно?

– Просто блеск! – психует она, вскидывает руки слишком уж кинематографично и просто уходит, оставляя меня... с этим.

Вот так и дружим. Когда у нее перепады настроения, гладко у нас не бывает. Но в остальном...

– Какая же она сука, – выдает Мира спустя пару минут молчания. Клянусь, я в моменте уже и забыла, что она здесь, даже вздрагиваю от звонкого голоса.

– Моя лучшая подруга.

– Извиняться не буду, – предупреждает она. Ее воинственный тон меня расслабляет, и я улыбаюсь. Искренне, хоть и все еще грустно. – Не считаю, что я сказала неправду.

– Я и не прошу извиняться. Вика... своеобразная. У нас разное видение жизни плюс у нее не было никогда мамы, ее воспитывала бабушка, с которой она была не в лучших отношениях, так что, скорее всего, она никогда меня не поймет. Я ее не осуждаю.

– А я осуждаю! – вскрикивает Мира. – Не важно, что было в прошлом, где человечность, черт возьми? Прости, – вдруг вздыхает она. – Просто взбесилась. Твоя мама... болеет?

Я ни с кем не обсуждаю маму. Никто, практически никто, ладно, не знает мою ситуацию. Но Мира интересуется искренне, да и тем более я сама пару минут назад кричала на весь автосервис ужасную правду своей жизни, поэтому какой вообще смысл отрицать?

– У нее онкология, – киваю. – Она уже почти не встает, и... В общем, уже все дико сложно.

– Она в каком-то специальном учреждении, под присмотром?

– О нет. Это дорого, а я все заработанные деньги трачу на лекарства, чтобы хоть немного облегчить ее состояние, мне учреждение не по карману, к сожалению. Она дома, за ней приглядывает наша соседка, пока я тут. В остальное время я сама. Кроме меня, у нее никого нет, так же как и у меня кроме нее. Так что...

– Извини. – Мира хмурится, словно жалеет, что начала этот разговор. – Может, тебе нужна какая-то помощь?

– Нет-нет, – качаю головой. Я никогда, ни единого раза за это время не просила ни у кого никакой помощи. И не буду. – Я справляюсь, спасибо! Ну насколько это возможно. Мир хорошо платит, так что на лекарства у меня всегда есть.

– Он в курсе?

– Никто не в курсе.

– Поняла. – Она кивает, и на этом наш диалог заканчивается. От него легкий налет грусти снова, но, по крайней мере, убивает во мне все раздражение после разговора с Викой.

Заканчиваю с колесом, возвращаю байк Мирославе и на пару часов остаюсь совсем одна, без единого сломанного мотоцикла, ужасно. Достаю ноут, сажусь сразу за редактуру сказки, чтобы не терять времени, а к вечеру снова пропадаю с головой в работе, помогая другим механикам с машинами, чтобы просто не сидеть без дела.

Конец дня наступает катастрофически быстро, по пути домой я покупаю маме небольшой букет цветов, чтобы ее порадовать, а потом внезапно получаю какой-то ненормально большой перевод на карту. Зарплата должна прийти со дня на день, но не в таких объемах... Наверное, в

бухгалтерии что-то перепутали, схожу завтра и разберусь. Чужого мне точно не надо, а столько я еще, к сожалению, не зарабатываю.

В квартиру после работы заходить так же страшно, как и по утрам в комнату мамы. Страшно, а еще сложно, потому что приходится притворяться счастливой дочерью. Я замечаю тетю Тому на кухне и захожу сначала к ней, но при взгляде на ее лицо и с моего слетает весь налет неискренней улыбки.

– Теть Том, что?

– Температура у нее, Риточка, – вздыхает она. – Высокая. Она не жаловалась, а у меня внуки были, я отвлеклась. Прости! Я вызвала «Скорую», вот жду, пока тряпочку на лоб мочу ей...

Цветы выпадают из рук, и я несусь к маме в комнату уже через мгновение. Она лежит на постели, вся малинового цвета и дышит тяжело-тяжело. Мама буквально горит и с трудом даже двигает губами. Ей и без температуры уже сложно, а такая нагрузка для организма... Она просто может не справиться.

– Мамуль, ну ты что. – Присаживаюсь рядом, кладу ей руку на лоб. Она как печка, я даже боюсь представить, сколько там показывает градусник. – Плохо?

Она кивает. Еле-еле шевелит головой, и я понимаю, что вот-вот просто разревусь. Чересчур сложный день для моих нервов.

– Риточка, прости меня, не уследила, – шепчет соседка у входа в комнату.

– Не надо, тетя Том, вы ни в чем не виноваты.

И я правда так считаю. Она не обязана, у нее есть своя жизнь. Берет она с меня копейки, и то только потому, что я настаиваю. Пожилая соседка далеко не лучший вариант для присмотра за больным человеком, но что мне делать, если выбора другого просто нет?

«Скорая» приезжает через минуту. Они делают укол от температуры и настаивают на том, чтобы забрать маму и проследить за ее состоянием хотя бы пару дней. Я не сопротивляюсь. Конечно, я не сопротивляюсь...

Держу ее за руку весь путь до больницы, меня колотит так, словно у меня самой температура уже под сорок. Врач «Скорой» рекомендует найти для мамы подходящее место, где она будет постоянно под присмотром, потому что в ее состоянии такая высокая температура может очень просто стать смертельным приговором. Сегодня повезло обнаружить ее плюс-минус вовремя.

И я понимаю... я правда все понимаю, все это знаю! Я узнавала о каждом специализированном учреждении по уходу за тяжелобольными, я... Я просто не знаю, как потянуть все это финансово.

Суммы на карте хватило бы на месяц ее содержания там, но я никогда, даже в самой сложной ситуации не позволю себе взять чужое. Может... занять? Не представляю, как это, не представляю, у кого, но... это, наверное, было бы выходом. И маме там было бы лучше.

Подумаю об этом завтра. Потому что сейчас мне остается только надеяться, что это самое «завтра» вообще наступит...

Глава 3. Маргарита

Bon Iver – Beach Baby

«Завтра» наступает, и это наше с мамой общее достижение. Я продержалась на литрах кофе, мама – на уколах. Но ей стало лучше, насколько это вообще возможно в ее состоянии, а я... Прорвусь как-нибудь.

Через час мне надо быть на работе, но сил совершенно нет. Я подремала около часа на скамейке в коридоре больницы, даже зубы не чистила. Но отгулы я никогда не беру – не могу лишиться зарплаты за день, – поэтому в очередной раз приходится взять себя в руки.

Оставлять маму под присмотром врачей намного проще, чем дома, хотя все еще очень страшно. Я бегу домой, чтобы переодеться и умыться, там меня уже поджидает волнующаяся тетя Тома, а после краткого рассказа о маме лечу в сервис. Сил нет никаких, но я достаю какие-то их запасы и все-таки прихожу вовремя. Переодеваюсь и перед началом работы иду в финансовый отдел. Финансовый директор у нас Есения – жена лучшего друга Мирослава. Она работает неполную неделю, но сегодня мне удастся ее застать.

– Рита, привет! – улыбается она мне, когда я стучу и вхожу в ее кабинет. – Что-то случилось?

– Да, я... видимо, какая-то ошибка вчера произошла. Мне на карту очень много денег поступило, на какой счет назад закинуть? Я просто не стала обратно сразу переводить, мало ли, правильно как-то иначе сделать, решила подойти.

– Ошибки не могло быть, – хмурится она и открывает какие-то документы на рабочем компьютере. – Так, все верно тут у меня, это твоя зарплата за этот месяц.

– Такого не бывает, – хмурюсь я. Что это значит?

– Зайди к Миру, – вдруг улыбается она. – Он у себя, тебя ждет. Но ошибки нет, переводить ничего никуда не надо.

Я ничего не понимаю совершенно. Выхожу от Есени в смятении, как робот бреду к кабинету Мирослава, потому что так сказала девушка, стучу.

– Можно?

– Проходи, конечно, – говорит он, – присаживайся. Кофе?

– Нет, спасибо. – От слова «кофе» после тяжелой ночи подташнивает. – Мирослав Сергеевич, произошла какая-то ошибка с моей зарплатой. Но Есения ошибку отрицает. Сказала к вам зайти.

– Что за ошибка?

– Мне вчера, кажется, перечислили зарплату всего автосервиса...

– А, ты об этом, – вдруг отмахивается он. – Не переживай, деньги получили все. А это твоя зарплата.

– С каких пор?

– Хорошо работаешь. – Он пожимает плечами. – Премии, чаевые, тринадцатая зарплата, надбавки и там еще всякое. Ничего лишнего.

Я крайне плохо соображаю после сложной, нервной и бессонной ночи, но либо у меня галлюцинации, либо Мирослав Сергеевич сошел с ума.

– Мирослав Сергеевич, там сумма, я...

– Я знаю. – Он перестает улыбаться и становится серьезным. – Это я распорядился. Мы помогаем всем сотрудникам, если в семье есть какие-то проблемы. Это – помощь за все месяцы твоей работы тут. За все месяцы твоего молчания.

– Мирослава, – шепчу я. До меня доходит. Она рассказала.

– Да. Спасибо, что ты ей открылась, потому что я крайне гадко почувствовал себя, что мой сотрудник справляется со своей проблемой в одиночестве. Это твои деньги, Маргарита, распорядись ими так, как считаешь нужным. Нужна помощь – обращайся. Всегда. И... ты хорошо себя чувствуешь?

Нет. Я чувствую себя ужасно. Ужасно и неправильно. Словно я горем что-то выпрашиваю, но... Не знаю.

– Маме стало плохо ночью, увезли в больницу, и...

– Отдыхай сегодня, – внезапно говорит он. – Отдыхай и ни о чем не беспокойся. А завтра увидимся.

У меня нет сил с ним спорить, но я снова даю слабину. Возвращаюсь в свой гараж и реву в раздевалке около двадцати минут, потому что просто не могу успокоиться. И не могу поверить в происходящее. В доброту людей. Во все это...

Смотрю на количество денег на карте и снова плачу. Мирослава... Я же делилась с ней не поэтому! Всегда молчала, а тут вдруг открыла душу – и вот к чему это привело.

К моим слезам как минимум.

Тяжело успокоиться, но я справляюсь, а потом просто сижу на улице около часа и не понимаю, что мне делать. Я правда могу оплатить маме нахождение в учреждении по уходу за тяжелобольными, я... Я все еще не могу в это поверить.

Но еду в больницу. Спать мне сегодня некогда, очевидно. Тут меня радуют тем, что маме относительно лучше, а потом я захожу на сайт и оформляю все документы для мамы, снова тихонько плача из-за этого.

Это сложно – отпустить ее от себя. Но я понимаю, что ей самой там будет лучше. И мне спокойнее. А я каждый день после работы буду с ней, точно как дома. Это никак не повлияет на наши отношения, я точно знаю. Только, возможно, домой теперь будет заходить еще страшнее, потому что мамочки там и вовсе не будет...

* * *

– Дочь, это же так дорого! – сокрушается мама. Понятия не имею, где она находит силы, чтобы возмущаться. Наверное, это у всех мам базовая настройка и сил на это у них хватит всегда. Я собираю ее немногочисленные вещи, пока она лежит на кровати в своей комнате и отчитывает меня за то, что я слишком сильно потратилась.

Мы много раз обсуждали такие спецучреждения, но обе понимали, что это нам не по карману. Мама как-то обмолвилась, что ей и самой было бы спокойнее, если бы была возможность снять нагрузку с моих плеч, но возможности никогда не было, поэтому мы и перестали об этом разговаривать. Я всегда адекватно оценивала свои силы и понимала, что столько мне не накопить, учитывая, сколько денег уходит на все остальное необходимое. И я никогда не могла подумать, что из-за одной девчонки, крайне похожей на солнышко, я смогу хоть немного улучшить нашу с мамой жизнь.

И теперь, когда я на самом деле отправляю маму туда и пытаюсь делать вид, что меня не ломает тот факт, что мамочка, возможно, в последний раз находится в нашей квартире, она и правда ворчит!

Она три дня провела в больнице, пока ей не стало лучше. В пределах ее состояния, конечно. Я отоспалась прямо в ее палате, когда Мирослав дал мне отгул, а потом за два дня починила столько байков, сколько только было в моих силах. Их как раз за два дня навезли до странного много. Было ощущение, что половина байкеров в городе решили просто столкнуться друг с другом, чтобы я не заскучала без работы.

Потом я забрала маму домой и сообщила ей новость, что с завтрашнего дня ее уже ждут на новом месте, где у нее будет постоянный уход, отдельная комната, новые знакомые и, самое

важное, прогулки. Дома мы редко могли себе это позволить: квартира на пятом этаже, лифт крошечный и нет возможности спуститься на инвалидном кресле. Пока мама еще ходила, я аккуратно помогала ей, потом вывозила коляску, но в последнее время это перестало быть возможным. На территории спецучреждения же есть большой парк и сад, и выехать из комнаты в инвалидном кресле совершенно не будет проблемой, потому что все оборудовано для удобства больных.

А моя мама обожает прогулки. На самом деле я природу люблю как раз из-за нее. Самая большая ее страсть – море. Последний раз она видела его, когда была беременна мной. На следующий год я была крошечной и отдыхать не удавалось, а потом мой биологический отец нас бросил и больше возможности выехать куда-то дальше своей квартиры у нас не было. Пару раз за лето мы выбирались на озеро за город, на этом все. Но даже побывав на море только раз в утробе матери и наслушавшись ее восхищений по поводу его красоты, я точно знаю, что влюблена в него не меньше ее. И в этом мы очень похожи.

– Это будет лучшим вариантом для нас, ма, – пытаюсь спорить с ней, но это всегда было бесполезно.

– Ты влезла в долги? – страдает она. Спрашивает уже раз шестнадцатый, честное слово.

– Нет, мама, я не влезла в долги, я не взяла кредит, не украла! Я заработала, накопила, я ведь говорила тебе.

– Я совершенно не хочу, чтобы ты осталась с кучей долгов, когда я умру. Слышишь, дочь? Не хочу, чтобы ты страдала еще и из-за этого!

Я никогда не привыкну к этим словам. Хотя и головой все понимаю и ситуацию тоже адекватно оцениваю, но не привыкну. Не смогу. Каждый раз это ранит, словно под ребра загоняют нож. Я морщусь и даже немного скрючиваюсь от боли. Нож никто не достает, боль не проходит. Кажется, словно кто-то еще и дергает рукоять туда-сюда и крутит лезвие в разные стороны, намеренно причиняя как можно больше боли.

Вот как ощущаются ее слова о смерти.

– Я заработала эти деньги, мама. И на них я хочу хоть немного облегчить тебе жизнь, хорошо? Я не могу быть рядом постоянно, тетя Тома тоже не справляется, и я ее не виню в этом. Я каждый день ухожу на работу со страхом, что что-то случится, а тебе даже никто не сможет помочь! А теперь я буду знать, что ты под присмотром.

– Мне так жаль, что тебе приходится думать об этом, искать деньги, уставать, лезть из кожи вон... Я так мечтала, что моя дочь будет просто счастлива! Но я...

– Ни в чем не виновата, – перебиваю ее. Знаю, что она сейчас скажет, она последний год все чаще и чаще заводит этот разговор. И плачет. А у меня душа разрывается на части, хотя она уже давно в клочья разорвана и кровоточит без остановки. У моей души тоже онкология. Она прогрессирует, и... ее не спасти.

– Не приезжай каждый день, – выдает она негромко. Устала, выдохлась. – Хорошо?

– Настолько тебе надоела? – усмехаюсь. Знаю, что нет. Просто пытаюсь хоть немного попытаться жить дальше и иногда даже позволяю юмору занять место в своей жизни.

– Ты же знаешь, что нет. Хочу, чтобы ты жила. Пообещай мне! Приезжай ко мне во вторник, четверг и субботу, например. А в остальные дни живи жизнь молодой девушки. Гуляй, знакомься с новыми людьми, ходи в кино. Какие твои годы! Живи, пожалуйста, полноценную жизнь. Раз уж я буду под присмотром, то я очень хочу, чтобы ты позволила себе быть молодой и красивой девушкой, дочь.

– Ох, мам, – вздыхаю. Она очень переживает по поводу моего образа жизни, я это знаю. Часто говорит. Волнуется. – Ты же знаешь, что...

– Это мое желание. – Серьезность в ее голосе посылает лед по моим венам. – Предпоследнее в этой жизни. Я хочу, чтобы моя дочь жила. И теперь у тебя будет на это время. Так что будь добра! Я попрошу персонал не пускать тебя в другие кроме этого графика дни.

– Ах вот, значит, как? – усмехаюсь. Чего-чего, а упрямства у мамы не отнять. Даже болезнь не справляется с этой ее чертой характера. Слишком сложная.

– Да. Разрешу впустить, только если парня мне знакомиться приведешь. Все.

Сумасшедшая. Как будто у меня есть время искать себе парня.

Как будто у меня есть желание...

* * *

Я отпросилась у Мирослава на пару часов утром, чтобы отвезти маму в центр по уходу за тяжелобольными, и теперь иду оттуда вся в слезах и с огромным камнем на сердце.

Мы собрали вещи и хорошо доехали, у мамы отличная комната, персонал прекрасный. Нам все рассказали и показали, меня познакомили со всеми, с кем только можно было, даже с поваром, чтобы я могла по телефону контролировать меню для мамы. Сама она заметно довольна новыми условиями, хоть и пока заметно ее смущение. Все хорошо, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.